

**ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ?: К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТНЫХ  
ХАРАКТЕРИСТИКАХ БРАЧУЮЩИХСЯ  
(ПО ДАННЫМ ИТАЛЬЯНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)**

Объектом нашего исследования стали итальянские и белорусские устойчивые выражения гендерной тематики, отражающие отношение к браку, устройству семьи и взаимоотношениям между мужчиной и женщиной как в период выбора будущего партнера, так и непосредственно в семейном союзе. Потому изначально важно отметить, что во все времена созданию семьи каждый из выбранных для исследования народов уделял большое внимание: вступление в брак являлось идеальным состоянием для человека, семья традиционно воспринималась хозяйственной и нравственной основой организации жизни в обществе, необходимой в первую очередь для продолжения рода и рождения наследников. Кроме того, заключение браков могло иметь и выраженную экономическую и социально-политическую подоплеку.

И первый шаг построения таких отношений – это выбор пары, выбор будущей жены или мужа. Целый ряд фразеологических единиц обоих языков регламентирует предполагаемый возраст брачующихся и соотношение возрастных категорий в паре, причем проанализированный нами языковой материал засвидетельствовал определенную схожесть взглядов и идеалов в этом вопросе, которыми руководствовались и итальянцы, и белорусы.

У итальянцев божественным промыслом считался брак, заключенный в молодом возрасте и не имеющий разницы в возрастных категориях жениха и невесты: *Matrimonio di Dio, un giovane con una giovane: Adamo ed Eva* – Божественный брак – молодой парень и молодая девушка: Адам и Ева. Одобрялся брак пожилого мужчины и молодой девушки: *Matrimonio della Madonna, un vecchio e una giovane: Maria e Giuseppe* – Брак Мадонны (Богоматери) – пожилой мужчина и молодая девушка: Мария и Иосиф. Резко осуждался брачный союз между молодым юношей и пожилой дамой: *Matrimonio del Diavolo, un giovane con una vecchia* – Брак дьявола – молодой парень и пожилая женщина. То есть первый тип брака (между молодыми) угоден Богу, он является наиболее правильным, верным и сравнивается с парой Адама и Евы; второй тип брака (между пожилым мужчиной и молодой девушкой) – это брак, предписанный святыми, заключенный по обязанности (долгу) и без радости, сравнивается с союзом Марии и Иосифа; третий тип брака, когда молодой парень женится ради материальной выгоды на пожилой женщине, которая выходит замуж за него ради сладострастия и телесных утех, – это брак, желанный дьяволу.

Таким образом, итальянские пословицы советуют жениться рано: браки в зрелом возрасте и после долгих ожиданий оказываются не очень хорошими

и счастливыми: *Chi si sposò giovane mai se ne pentì* – Кто женился молодым, никогда об этом не сожалел; *Bisogna sposarsi nel fiore della giovinezza, nel pieno del sentimento e nella festa generale* – Нужно жениться в молодости (в расцвете сил), когда ты полон чувств, и всем на радость. Терпимо, а иногда и предпочтительно, итальянцы относятся также и к бракам, в которых женщина моложе мужчины, так как это гарантирует последнему больше власти и уважения в семье: *Abbi donna di te minore, se vuoi essere signore* – Если хочешь быть хозяином в доме, бери жену помоложе.

Интересны в этом плане документальные сведения, приведенные в диссертации историка И. А. Ануфриенко «Женщины в обыденном восприятии представителей городской среды Италии XIV – XV веков», согласно которым в Италии преобладала тосканская (патриархальная) модель брака, характеризующаяся как раз таки значительной разницей в возрасте между супругами. Там же содержатся ссылки на работы, заявляющие, что у «западноевропейского образца брака» есть отличительная характеристика: возраст вступающего первый раз в брак мужчины от 26–27 лет и старше, женщины – до 23–24 лет [1, с. 12]. Но здесь, конечно же, надо обязательно иметь в виду тот факт, что автора цитируемой работы интересовали в исследовании прежде всего высшие и средние слои городской купеческой среды XIV–XV веков, поскольку там были наиболее заметны изменения, происходящие в положении женщин. При этом следует оговорить, что, по мнению современной французской исследовательницы А. Стелла, городские низы отличались по типу семей от представителей старших цехов, купечества и нобилей. Опираясь на данные того же автора, можно констатировать, что возраст вступления в брак мужчин из нижних слоев общества также имел тенденцию к повышению [1, с. 43].

В гражданском обществе Флоренции особенность брачных отношений заключалась в том, что мужчины женились в довольно зрелом возрасте, приобретя имущество и накопив капиталы, на очень молодых девушках (14–16 лет) [1, с. 52]. Кроме того, в течение XV века заметна тенденция увеличения размеров приданого. Это вполне объясняет столь зрелый возраст первого брака для мужчин. Продолжительность жизни возрастала и тянула вверх планку возраста первого вступления в брак для мужчин более настоятельно, чем женщин, удлиняла промежуток возраста, отделяющий супругов, тем самым увеличивая количество женщин на рынке брака. Мужское нежелание жениться рано основывалось на стремлении к увеличению размера приданого, и эта тенденция действовала даже на самых низких уровнях городского общества. Дочери умерших членов коммуны Флоренции в 1425 году брали деньги из специального фонда банка, куда отец при рождении дочери вносил определенную сумму, но, несмотря на эти условия, девушки брачного возраста, не обеспеченные солидной суммой приданого, имели очень маленький шанс найти мужа. Поэтому для большинства из них не было никакой альтернативы, кроме монастыря. Потому прежде всего и отмечается довольно ранний возраст вступления в

брак для женщины: основными показателями служили брачный возраст не старше, как правило, 18 лет, соответствующая сумма приданого и принадлежность к семейству высокого положения [1, с. 62].

Таким образом, в исторической Италии складывалась определенная конъюнктура «рынка невест», предъявляющая комплекс запросов, обязательным условием которой являлся возраст невесты (не старше 18–20 лет), чтобы никто не усомнился в ее порядочности и отсутствии целомудрия. Мужское нежелание жениться рано основывалось на стремлении к достижению собственного богатства и политического авторитета в городской среде, что позволяло рассчитывать на большую сумму приданого и более престижное родство. Очевидно, эта тенденция действовала даже на самых низких уровнях городского общества. Но, заметим, эти сведения касаются только средневековой Италии и только горожан, в сельской среде, скорее всего, могла наблюдаться другая картина.

Подобные отличия наблюдались и в белорусском обществе. Так, например, известный белорусский исследователь А. И. Мальдис в своем эссе «Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі» отмечает следующее: «Семья того времени, основанная на расчете, редко была счастливой. К тому же ощущалась разница в возрасте. Когда в деревне эта разница была еще небольшая, потому что юноши женились рано, то в шляхетском и магнатском дворах давали паничам возможность «вышуметься», а потом сорокалетние кавалеры искали шестнадцатилетних нареченных» [8, с. 62].

К заявленной тематической группе примыкают и пословицы, в которых брак сравнивается с распространенным национальным блюдом Италии – макаронами, имеющими прекрасный вкус лишь сразу после их приготовления, горячими: *Matrimoni e maccheroni devon esser caldi* – Браки и макароны должны быть горячими, то есть при вступлении в брак необходимо действовать быстро (пока молод), не должно быть ни отсрочек, ни излишних размышлений, иначе необходимый энтузиазм с годами угаснет, подобно макаронам, теряющим при остывании свои аппетитность, вкус и аромат. По аналогии с предыдущими толкуется и выражение *Maccheroni e parentati vanno fatti e mangiati* – Макароны и родство готовятся и съедаются: здесь *родство* означает 'брак'; *Nozze e maccheroni se non son caldi non sono buoni* – Если свадьба и макароны негорячие – они невкусные.

В противовес пушкинскому афоризму «любви все возрасты покорны» белорусская народная афористика также предопределила четкие возрастные ограничения для любви и женитьбы: *Жні тианічку прызелявенькую, аддавай дачку маладзенькую; Як дваццаць тры, дык замуж пры, а як дваццаць пяць, дык дома сядзь; Калі мінула дваццаць пяць, дык дома сядзь; Бабы каюцца, а дзеўкі замуж збіраюцца; Маладога людзі жэняць, а старога чорт не ажэняць; Ні ранняя сяўба, ні маладой жаніцьбы не кайся; Еш з голаду, а любі змоладу; Дакуль дзеўка маладая, датуль яе і хлопцы любяць; Дакуль хлопец малады, датуль яго і дзеўкі любяць; На свежую ветку пчолка ляціць, а на старую і чорт не глядзіць.* Таким образом, и в итальянской, и в

белорусской фразеологии зафиксирована мысль, что браки предпочтительно заключать в молодом возрасте. В этой связи естественно и белорусское выражение *Першага торгу ніколі не мінай*, которое относится не только к торговым отношениям, но и к ситуации первого сватовства.

О том же свидетельствуют и белорусские этнографические данные: «Несмотря на то, что в биологическом плане период женитьбы очень продолжительный, существовали очень жесткие возрастные ограничения, предписанные культурной традицией. Люди, выходящие за верхнюю грань вступления в брак (*перастаркі, бабылі*), попадали в категорию социально неполноценных людей, что очень ограничивало их участие в ритуально-обрядовой жизни социума (*бобылей не приглашали в кумовья, девушек-перестарков на смотрины новорожденных и под.*)» [4, с. 567].

Любовные отношения со стариком не соответствовали нормам народной морали белорусов, получали негативную оценку, предполагали страдания: *Старога кахаць – гараваць; Са старым жыць – воўкам выць; Зімовае мураванне, старога каханне, п'янага набажэнства – усё гэта блазэнства; З старым і грэх і смех; Ад свету адстану, але старога кахаць не стану; Пажаніліся, што малады конь і стары конь спрэгліся; Муж стары, жонка малада, то агонь да вада.*

Белорусский фразеологизм *мышыны жарэбчык* также содержит отрицательную характеристику пожилого мужчины, ухаживающего за молодыми девушками [6, с. 376]. И только единичные белорусские устойчивые выражения оказываются на стороне пожилых: *Жыць за старым – быць у павазе, а за маладым – у знявазе*. Хотя вместе с тем находим в белорусской народной афористике пессимистическое опровержение известной «теории» вечной любви на всю жизнь: *Кахаюць да старасці толькі ў казцы*. Однако в словаре И. И. Носовича нами найдено шутовское фразеологическое высказывание, которым оправдывают женитьбу старого холостяка: *Ох! Лепей удвох*.

В итальянском языке нами также зафиксирована интересная поговорка, отражающая иронию в адрес поздней любви: *L'estate di San Martino dura tre giorni e un pocolino* – *Лето Святого Мартина длится три дня с хвостиком, что буквально означает 'поздняя любовь недолговечна'*.

Однако при этом в белорусской фразеологии, как и в итальянской, подчеркивается все же, что мужчина чаще всего старше своей избранницы: *Малання мала, ды Фядоту міла; Хлопец ужо за плугам ходзіць, а яго нявесту яшчэ толькі ў калысцы гушкаюць*. Но чрезмерно ранний возраст влюбленных также осуждался, например: *вусы паламаець – говорили, чтобы остановить молодого человека, допускающего шалости, неприличные его возрасту; Паненкі, паненкі – пад носам казелькі; рубца не зарубяць, а кавалера любяць; Яшчэ мацерынага малака не аблізаў, а ўжо да дзяўчат бярэіся; Чым бы дзіця не займалася, абы каб жаніцца не прасілася; Пачакай, дочухна, да нядзелі! – Ні да суботы, мамачка, – насмешка с девушек, желающих выйти замуж как можно скорее.*

Кроме всех проанализированных выше итальянских и белорусских выражений, в которых предписаны конкретные возрастные рамки для любви и вступления в брак, которые, кстати, выявляют в основном схожесть взглядов на партнеров, в обоих языках нами зафиксированы языковые единицы, не советующие долго и требовательно выбирать партнеров: ит. *Chi guarda a ogni penna, non fa mai letto* – Кто разглядывает каждое перышко, тот никогда не постелет постель, что означает по-русски *Долго выбирать – замужем не бывать*; бел. *За пераборы – лаці ды аборы; За перабірачку выбераш гарачку; Ад перабораў – ні лацяў, ні абораў; Не перабірай – скулу схопіш*. Ибо тех, кто достиг брачного возраста, но не вступил в брак, ожидало открытое осуждение и прессинг со стороны общественного мнения: *Той не муж, хто не жаніўся; Сядзіць халосты, як сабака бяхвосты, а жанаты, што пан багаты; Адзінокаму мужыку, як курыцы: дзе ні капануў, дак і клюнуў; Няма злей асенняй мухі і дзеўкі-векавухі; Старая дзеўка, як дзіравы кажух, – адзін дух; Ці кот шалеець, ці дзеўка старэець*.

А потому потенциальные нарушители этой нормы вынуждены были идти на крайние меры: *Хлопцы: «Хоць сава, абы з другога сяла»; дзеўкі: «Хоць бы старца, абы не астаца»; Хоць за быка, калі няма маладзіка; Хоць за вала, абы замужам была; Хоць за казла, абы запаўзла*.

Таким образом, проведенное нами сопоставительное исследование итальянских и белорусских фразеологических единиц гендерной тематики позволяет говорить о целом комплексе тождественных представлений итальянцев и белорусов о возрасте брачующихся, что свидетельствует, на наш взгляд, как о близости мировоззренческих установок носителей названных лингвокультурных традиций в интересующей нас сфере, так и об определенной универсальности тематического блока исследуемых изречений и концептов. Зачастую фразеологические выражения моделируют идентичные либо подобные жизненные ситуации, однако их образная основа при этом значительно отличается и обеспечивает через использование в своем составе названий реалий материальной и духовной культуры итальянцев и белорусов национально-культурное «звучание» языковых единиц. Так, например, в итальянских выражениях заключение брака сравнивается с приготовлением и употреблением макарон, выбор девушки – с выбором вина, а сема поздней любви презентуется через имя итальянского святого – Мартина, в то время как в составе белорусских фразеологических единиц выявляются лексемы белорусской культуры *лаці, аборы, кажух, плуг, бык, вол, конь*, разговорные варианты белорусских имен *Малання, Фядот* и др. На формирование мировоззрения, отраженного в итальянских фразеологизмах, ощущается влияние римско-католической традиции.

Отличительные черты фразеологизмов итальянского и белорусского языков свидетельствуют как о национально-специфичной корреляции образов и реалий, положенных в их основу, так и об особенностях мироощущения наших народов и их отношений к обозначенной сфере.

## Літэратура

1. *Аксамітаў, А. С.* Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з арх., кафедра збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 320 с.
2. *Ануприенко, И. А.* Женщины в обыденном восприятии представителей городской среды Италии XVI–XX веков: дис. канд. ист. наук 07.00.03; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 326 с.
3. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф. Янкоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
4. Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск : Беларусь, 2004. – 582 с.
5. *Коток, В. А.* Разговорный итальянский: итальянско-русский, русско-итальянский словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений / В. А. Коток. – М. : АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. – 221 с.
6. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. Т. 1 / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН, 1993. – 590 с.
7. *Ліцвінка, В. Д.* Слова міма не ляціць: Беларус. нар. прыказкі і прымаўкі / В. Д. Ліцвінка, Л. А. Царанкоў. – Мінск : Універсітэцкае, 1985. – 149 с.
8. *Мальдзіс, А. В.* Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі: эсэ; Восень пасярод вясны: апавесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў / Адам Мальдзіс. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2009. – 479 с.
9. *Носович, И. И.* Сборник белорусских пословиц, составленный И.И. Носовичем. Сб. ОРЯС. Т. 12, № 2. – СПб. : Типография Императорской Академии Наукъ, 1874. – 232 с.
10. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / пад рэд. А. С. Фядосіка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1: Раздзелы I – III. – 1976. – 560 с.; Кн. 2: Раздзелы IV – IX. – 1976. – 616 с.
11. *Lapucci, C.* Dizionario dei proverbi italiani / C. Lapucci. – Milano : Mondadori, 2007. – 1854 p.
12. Raccolta di proverbi toscani di Giuseppe Giusti / Pubbl. da G. Capponi. – Firenze : Successori le monnier, 1871. – 248 p.